

УДК 929

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-127-134

ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА АРХЕОЛОГА В.В. СВИНИНА (ПО БУРЯТИИ 1964 г.)

© П.Б. Коновалов

Мемориальные заметки о коллеге и друге Свинине Владимире Вячеславовиче с воспроизведением страниц его полевого дневника, который он вел на раскопках в Забайкалье.

Ключевые слова: путь в науку, иркутская школа археологии, инерция дружбы и сотрудничества.

FROM THE FIELD DIARY OF ARCHAEOLOGIST V.V. SVININ (IN BURYATIA, 1964)

© P.B. Konovalov

Memorial notes about a colleague and friend, Vladimir Vyachslavovich Svinin with reproduction of the pages of his field diary about the joint excavations in the Trans-Baikal region

Keywords: path to the Science, Irkutsk School of Archaeology, inertia of friendship and collaboration

Представленные мной заметки относятся, в первую очередь, к области воспоминаний о коллеге и друге, но вместе с тем имеют историографический интерес. Речь пойдет о том, как два друга-однокашника со школьной и студенческой скамьи, на заре своей трудовой деятельности на поприще археологии, работая в разных городах и учреждениях, провели совместный полевой сезон на территории Бурятской АССР. Часть срока провели на неолитической стоянке Ярцы на восточном берегу Байкала, другую часть – на хуннских памятниках на юге Бурятии. Это был второй год кампании по археологическому обследованию побережья оз. Байкал в связи с подъемом уровня воды в результате строительства Иркутской ГЭС на Ангаре. Мы были участниками этих работ. Владимир Вячеславович Свинин в 1963 г. начал тематические исследования по Байкалу (по аспирантской теме), провел предварительное обследование на западной стороне Байкала, в 1964 г. перешел на восточную, а я второй сезон продолжал работу на восточном побережье, но собирался переключиться на работу по своей аспирантской теме – по памятникам хунну.

В своем мемориальном повествовании посчитал нужным воспроизвести, частично в сокращенном виде, оставленные мне страницы дневника Владимира Вячеславовича, вошедшие в мой отчет Байкальского отряда 1963–64 гг., который был передан ему же для приобщения к объединенному коллективному отчету (Коновалов и др., 1965), использованному в его диссертационной работе, а записи, сделанные В.В. Свининым, на хуннских памятниках, приобщены к моим исследованиям по хунну (Коновалов, 1976).

Как я уже отметил, пусть это мое повествование будет историографической страничкой нашей общей региональной археологии. Думается, что описанное здесь сотрудничество было инерцией предшествующего десятилетия нашего совместного роста и становления на ниве науки, в этом смысле и страничкой возрождающейся, современной иркутской школы археологии, из которой выходили и расходились по стране её воспитанники. Посему уместно будет рассказать все по порядку, что и как было, что предшествовало этой страничке истории.

1. Еще в школьные годы, летом 1952-го, члены краеведческого кружка Усть-Ордынского краеведческого музея совершили научно-краеведческую «экспедицию» по родному краю во главе с руководителем кружка Владимиром Свиным. По формату это был пеший пятидневный поход отряда школьников 8–9 классов по Эхирит-Булагатскому району, в рамках междуречья рек Куды и Мурина, по кольцевому маршруту Усть-Орда – Капсал – Тугутуй – Алужин – Харанут – Харат – Хурамша – Корсук – Бозой – Манхай – Усть-Орда. Отряд состоял из 7–8 человек разных «специалистов» (историк, этнограф, археолог, ботаник, зоолог), каждый имел соответствующее задание. Автор этих строк, исполняя роль археолога, вместе с начальником отряда даже пробовал делать небольшие зачистки-раскопки на месте предполагаемых стойбищ курумчинцев возле улуса Шохтой. Закончив школу, мы с Володей поехали на велосипедах в Иркутск сдавать документы в Госуниверситет. Я остался сдавать вступительные экзамены, а Володя, как медалист, был сразу же принят и уехал в экспедицию А.П. Окладникова на ангарский остров Лесной, на котором побывал и я дня три-четыре после сдачи экзаменов, понаблюдал обширные раскопки с большим количеством людей.

2. Будучи студентами Иркутского госуниверситета, после первого курса в 1955 г. мы с Володей совершили поездку (опять же на велосипедах) с археолого-этнографической целью от Усть-Орды до Хогота. Результатом этого путешествия, претворенным в первую для нас научную публикацию, была совместная статья, посвященная наскальным рисункам на горах Булук и Улан-Хада (на территории Баяндаевского района), опубликованная в Записках Иркутского областного музея краеведения (Свинин, Коновалов, 1958).

3. В 1956–59 студенческие годы группа студентов Госуниверситета – М. Аксенов, Г. Зайцева, П. Коновалов, Г. Медведев, В. Свинин – прошла школу полевой археологии в археологическом отряде (рук. М.М. Герасимов) Братской геолого-палеонтологической экспедиции ВСФ АН СССР (рук. Н.А. Флоренсов). Причем надо под-

черкнуть, что с самого начала этой экспедиции активистом-организатором студенческой группы выступил Володя Свинин и в дальнейшем, всегда мобильный и коммуникабельный, считался заместителем начальника отряда по организационным вопросам. Неудивительно, что этот опыт полевой археологии под руководством замечательного ученого археолога и антрополога на раскопках палеолитического поселения Мальта и многослойного поселения Усть-Белая обеспечил нам путевку в науку. Как ни прискорбно, мне уже приходилось писать лишь воспоминания о Михаиле Аксенове, а теперь вот о Германе Медведеве и Владимире Свинине.

Начало трудовой деятельности выпускников 1959 г. сложилось по-разному. Г. Медведев был оставлен в университете, П. Коновалов направлен в БКНИИ СО АН СССР, а В. Свинин два года работал в школах с. Алзамай и г. Зима (так сложились обстоятельства), но там он имел возможность вволю заниматься со школьниками археологическими древностями по рекам Уде, Бирюсе и Оке, поработать с молодежью в плоскости научного краеведения. Думается, что он без ущерба для самолюбия, удовлетворял свои разносторонние, можно сказать, всеядные интересы. Правда, безграничные интересы имеют иногда нежелательные последствия, например, такие как разброс сил, неумение концентрироваться на чем-то важном для жизни, для карьеры. Хотя это «важное» для него было как раз в другом – в том, чтобы сеять свои знания, наставлять других.

Вскоре В.В. Свинин возвращается в Иркутск, поступает в аспирантуру Госуниверситета, а также и на работу в Областной музей краеведения. Аспирантура как раз требует от человека заняться чем-то одним, определиться с темой, сконцентрироваться, имеет срок обучения. Тема оказалась рядом, большая и актуальная – «Археология озера Байкал». Как раз в те годы в связи с подъемом уровня воды Байкала в результате строительства гидроэлектростанций на Ангаре на повестке дня стоял вопрос сплошного археологического обследования берегов Славного моря.

До 1959 г. непосредственно на Байкале не проводилось широких раскопок. На фоне крупномасштабных работ А.П. Окладникова в Приангарье и в Забайкалье, в результате которых был получен массовый археологический материал, высвечивалась проблема слабой изученности памятников побережья Байкала. Их сводка и обобщение данных по состоянию на тот момент были очень важны. В связи с поднятием уровня Байкала Ленинградское отделение института археологии организовало археологическую экспедицию под руководством М.П. Грязнова. Она работала всего один сезон 1959 г. в районе Ольхона, дельты Селенги и истока Ангары. С 1963 г. исследования на Байкале возобновляются местными научно-исследовательскими учреждениями – Иркутским госуниверситетом, Иркутским областным краеведческим музеем и Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом СО АН СССР. Совместным отрядом Иркутского университета, Областного краеведческого музея и Ленинградского отделения института археологии, в составе П.П. Хороших, В.В. Свинина и Л.П. Хлобыстина, в 1963 г. провели разведку по северному побережью, а в 1964 г. на западном побережье и на о. Ольхон.

Со стороны Бурятии в БКНИИ при отделе Зарубежного Востока было организовано два отряда – под руководством Е.А. Хамзиной и П.Б. Коновалова, они прошли сплошной разведкой участок от дельты Селенги до устья р. Баргузин. В 1964 г. Хамзина перешла на исследование Баргузинской долины, а Коновалов продолжил работы на отдельных объектах восточного побережья, на что уделил половину полевого срока, затем перешел на раскопки памятников хунну на юге Бурятии. В.В. Свинин в 1965–66 гг. по ведомству БКНИИ возглавил Байкальскую экспедицию Бурятского филиала ГО СССР, которая осуществила дополнительное исследование северо-восточного и южного побережья Байкала.

Таким образом, волею обстоятельств (спасательные археологические работы) впервые совместными экспедициями побережье оз. Байкал было подвергнуто, нельзя

сказать, сплошному, но обследованию по всем доступным участкам (Свинин, 1966; 1971; 1971а).

Стоянка Ярцы Байкальские на восточном берегу Байкала была обнаружена в 1963 г. отрядом П.Б. Коновалова наряду с целым рядом археологических местонахождений, расположенных от дельты Селенги до устья р. Баргузин. Среди них находилось местонахождение Ярцы, культурный слой которого подмывался водами озера, что требовало проведения срочных спасательных раскопок. В июле – августе 1964 г. мы вместе с Владимиром Вячеславовичем проводили раскопки Ярцов¹.

29–30 июля. (КПБ). Вчера вечером встретили Володю, приехавшего на пароходе из Ольхона в Усть-Баргузин. По пути в Ярцы остановились на 181 км в устье речки Налимовка, где мы в прошлом году побывали с разведкой. Теперь вновь с Володиной осмотрели участок обнажения берега, не подверженного сверху выдуванию. Берег с прошлого года обвалился почти на метр от вбитого колышка, валявшегося в обвале. В новых обнажениях ничего интересного не обнаружили, стратиграфия такая же, какая была в прошлом году. Затем показал 180-й км, где в прошлом году собирали подъемный материал, затем выдувы между 160 и 159 км. К вечеру приехали в лагерь.

1 августа. Вчера закончили II слой. Сегодня начали III.

2 августа. Зачищали и снимали разрез стенки раскопа. Володя снимал план участка, обошел побережье по обе стороны раскопа. Получился симпатичный глазомерный план местности.

3 августа. (СВВ). До 20–26 см глубины залегает плотный интенсивно окрашенный гумусом слой перепашки, резко отделяющийся от нижележащего слоя темнобурой супеси, осветленной книзу – мощностью 30–35 см. Ниже его – плотный илистый, серо-пепельного цвета, местами заизвесткованный слой толщиной 10–15 см, образованный, видимо, лагунными осадками. Этот слой подстилается крупнозернистым

¹ Далее привожу записи из дневника Свинина (под инициалами СВВ), наряду со своими записями (под инициалами КПБ).

слоистым песком пойменно-береговой фации, уходящим вглубь почти до двух метров. Находки залегают в первом гумусированном слое, сразу же под дерном и в верхней части второго слоя. (Это фрагмент описания стратиграфии террасы на 2-м раскопе. – П. К.).

4–6 августа. (КПБ). Заложили второй маленький раскоп на некотором расстоянии к северу от первого, площадью 5 x 5 м. Идет только керамика, неорнаментированная, поздняя (железный век). К вечеру выехал в Улан-Удэ, надо подготовиться к выезду на юг, в Черемуховую падь, по намеченному плану работы по хуннской теме. В институте сдавал финансовый отчет по Байкальской экспедиции. Утрясал вопросы замены транспорта для Южного отряда и горючего.

7 августа. (КПБ). Работа шла в прошедшие дни полным ходом, но раскоп еще не закончен. Ребята во главе с Володей бегло обследовали берега озера Котокель, что находится недалеко от Байкала – напротив раскапываемой стоянки. Володя уточнял и дополнял топосъемку местонахождения Ярцы. Раскоп еще не закончен, он оказался интересен только лишь очагом в 19–20 квадратах, с раздавленным сосудом, находки бедны. Виктор и Володя остались доканчивать раскоп, а мы, остальные, под вечер выехали в Улан-Удэ. Завтра на Юг!

6 августа. (СВВ)... Разведка на оз. Котокель. Поехали по северному берегу в село Исток. По пути заметили несколько интересных распадков... На обратном пути от села за первым мысовидным склоном (выступом), разделяющим деревню на две части, остановились у оврагов. Выше – старое кладбище. В обнажении плотного суглинка одновременно с Виктором нашли по фрагменту керамики несколько отщепов, а шофер Михаил Николаевич поднял со дна оврага прекрасно оговоренный халцедоновый нуклеус. Подошедшие двое мужиков поинтересовались, что ищем, и один из них сказал, что подобные находили в огородах, что брат его собрал такие и хранит. Привел нас к брату, тот вытащил узелок, в котором оказалось большое количество халцедоновых и кремневых отщепов, пластинок, скребочков, стрелок и нуклеусов. В про-

шлом году он же нашел на старой пашне за огородом бронзовый нож и большую кремневую пластинку, которую передал геологу Лареву... Практически в каждом распадке, на плечиках террас, прислоненных к тому или иному склону распадка, могут быть найдены стоянки древнего человека. (В тот раз они осмотрели незначительный участок берега Котокеля, зафиксировали пять местонахождений, но здесь мной пропущены подробности каждого пункта обследования. – П.К.).

8 августа. (СВВ). По пути из Ярцов в Улан-Удэ, за деревней Халзаново в 2-х км справа от шоссе в глиняном карьере, врезанном в мысовидный участок террасы р. Итанцы высотой 5 м, мы с Виктором обнаружили большое количество толстостенной серой керамики железного века. В обнажении около самого тракта в слое плотного красноватого суглинка под гумусом, на глубине 30–40 см, нашел несколько отщепов и фрагмент тонкостенной глазковской керамики.

10 августа. (КПБ). Черемуховая падь. Позавчера сюда прибыла моя экспедиция на раскопки хуннского могильника. Нынче второй заход на этот памятник для работы по моей аспирантской теме «Погребальные памятники хунну». Вчерашний день ушел на устройство лагеря. Закончив раскопки на Байкале, в Ярцах, вчера приехали Володя с Максимом. Володя решил остаться с нами и поработать, познакомиться с гуннскими памятниками. Теперь мы в том же составе, но уже на самом юге Бурятии. Приступили к раскопке могилы под № 40.

10 августа. (СВВ). После обеда шофер уехал в Улан-Удэ, в гараж на ремонт машины. Начали раскопки могилы № 40. После обеда мы с Прокопием съездили в Кяхту, в Краеведческий музей, попросить у директора Родиона Филипповича Тугутова карту республики, план могильника, составленный его открывателями и первыми исследователями. Безрезультатно: был выходной день. По пути в Кяхту и обратно до Субуктуя я произвел съемку маршрута движения путем засечки направления по компасу и расстояния по спидометру. После обеда такую же съемку произвели по дороге от шоссе до могильника, затем и

всего северного склона Черемуховой пади, но уже шагомерным способом. На эту съемку будем накладывать план могильника, сличив его с тем, что имеется у Р.Ф. Тугутова. (Дальше пропускаю почти страницу описания местности по маршруту движения в треугольнике Суджи – Субуктуй – Усть–Кяхта. – П. К.).

13 августа. (СВВ). У Тугутова взяли карты, чтобы скалькировать для нас. Купил в музее старые издания ТКОИРГО. Тугутов предложил поехать с ним в с. Тамир, где им раскапывается землянка времен первых русских поселенцев – основателей села. Мы согласились, имея в виду попутно произвести разведку по Чикою и Хилку – памятников, открытых Ю.Д. Талько-Грынцевичем.

14 августа. (СВВ). До обеда поработали на раскопе 40-й могилы, начали делать стратиграфический разрез по бровке. После обеда поехали в Кяхту и оттуда с Р.Ф. Тугутовым – на восток вдоль государственной границы, нейтральная пограничная зона, совсем рядом монгольская земля. (Пропускаю описание местности по маршруту движения, но даю описание могильника в долине речки Тамир, вблизи одноименной деревни. – П.К.).

14 августа. (СВВ). В 8 км от села Тамир, справа и слева от дороги, мы заметили могильные кладки. Это были херексуры, представляющие собой невысокие насыпи (50–60 см), диаметрами в среднем 10 м. Слева от дороги пять таких курганообразных насыпей, причем два из них с южной стороны сопровождаются чуть выступающими из земли прямыми стенами. Слева от дороги, ближе по подошве северного склона распадка расположились еще четыре херексура и три могилы типа плиточных. Сняв план могильника, поехали дальше. Сразу же за могильником, на разрушенном постройками МТФ мысовидном участке, в траншее найден нами глиняный сосуд, возможно, позднетюркского времени. находку оставили в музее, который имеется в селе.

15 августа. (СВВ). С утра осмотрели раскапываемую Р.Ф. Тугутовым «землянку». На неё наткнулись строители при рытье траншеи под фундамент новой школы. Тугутов заложил раскоп 2 х 4,7 м, чтобы

захватить всю землянку, но западный угол сруба не захвачен. Мы с Прокопием расширили раскоп по истинному размеру сруба в 3,5 х 4,5 м, глубиной в 75–80 см, произвели зачистку раскопа и траншеи строителей, глубиной 180 см, пробили другую траншею в сторону от бревенчатой стены, сняли стратиграфические разрезы в траншеях и внутреннего заполнения строения.

(Далее пропускаю большой фрагмент записи Володи по землянке). В результате нашей помощи значительно проявилась картина существования и гибели (руинизации) бревенчатого строения, возможно, первых русских поселенцев этой деревни. Материалы пополнят довольно богатый Тамирский народный музей (на общественных началах), ведает которым глубокий старик, бывший учитель Семен Дмитриевич Писарев. Передав Писареву находки и попрощавшись с Тугутовым, поехали дальше на разведку гуннского могильника Эдуй. Маршрут проходил через села Шазгай, Убур-Киреть, Унгуркуй, Полканово, Хилганта, Усть-Песчаная, и конечная цель – могильник Эдуй. Пропускаю также описание маршрута движения, но в районе с. Хилганта обратимся к записям СВВ.

15 августа. (СВВ). В 5 км южнее улуса Хилганта прямо у дороги, спустившейся с высокой террасы на низкую, мы увидели плиточные могилы. Первая группа раскинулась в 20 м к западу от дороги за группой кустарника. Она состояла из 13 могил, размерами около 3 х 4 м, которые отчетливо выделялись вертикальными плитами по углам и сторонам оград. Их расположение и ориентировка относительно друг друга совершенно беспорядочная, ориентированы по-разному в направлении В и СВ сектора.

Вторая группа находится в 220 м к северу от первой, за пересохшей протокой Чикоя. То же по соседству с кустарником. Насчитывается 14 могил. Располагаются они более компактно, с промежутками в 5–8 м между ними, занимают площадь 30 х 25 м.

Третья группа находится в 70 м севернее второй группы, состоит из 12 могил, рассредоточенных на расстоянии 10–20 м друг от друга.

Четвертая группа расположена к востоку от третьей, состоит из 12 могил, с промежутками между ними в 3–6 м, занимают площадь примерно 20 x 40 м.

Пятая группа из 5 могил, рассредоточенных в одну линию вдоль правой стороны старицы, с промежутками 4–10 м.

Шестая группа, состоящая из 3 могил, находится по правую сторону дороги в Хилганту, напротив первой и пятой групп. Таким образом, нами зафиксирован могильник из 59 могил, общей площадью 100 x 500 м.

(Проехав Хилганту, свернули на СВ в сторону Усть-Песчаной. Возле пяти домов, оставшихся от когда-то большой деревни, остановились и полюбовались красивым прудом и мельницей на ручье. – П.К.).

15 августа. (СВВ).... Поехали дальше по тому же направлению на деревню Эдуй, ориентируясь по карте. В деревню приехали часов в 7 вечера. Стали расспрашивать, где здесь находится Березовая гора (Хустологой), на которой, по описанию Талько-Грынцевича, расположен гуннский могильник, найденный им. Никто, ни молодые, ни старые не могли ответить, кто-то вспомнил Березовую гору возле старого полевого стана за речкой Топка, в 3 км к югу от Эдуя. А у Талько-Грынцевича указано где-то рядом по дороге в Топку. На пологой горке, по которой шла дорога в Топку, никаких берез не видно, лишь густой сосновый лес. В двух км от деревни, справа от дороги по ходу движения, замечаю высокий курган. Останавливаемся, осматриваем. Курган высотой около 3 м, диаметром около 30 м, в центре провал. Дальше в лесу видны еще и еще могилы, такие же, как в Черемуховой пади, только без каменных выкладок. Читаем описание Талько-Грынцевича – все приметы сходятся. Значит, нашли, что искали. Побродив по лесу и заметив чахлые, согнутые стволы берез, я понял, почему местные жители не знали рядом Березовую гору: за 65 лет после посещения этого могильника Талько-Грынцевичем сосновый бор подавил березняк.

16 августа. (СВВ). Снимали план окрестностей могильника Эдуй и самого могильника. Отличается от плана Талько-

Грынцевича, поняли, в чем его ошибки... На его плане не дана ориентировка по сторонам света, неверно нанесен рельеф. Горы высотой до 50–100 м в районе могильника в сторону реки Хилок понижаются, переходя в выровненное плато первой надпойменной террасы... Отсутствие в ближайших окрестностях выходов камня привело, видимо, к тому, что строители могил ограничивались только земляными насыпями. Диаметр самой большой могилы 20 м, остальные в пределах 10 м. У большинства могил насыпь заметна слабо, углубление в центре порядка 30–50 см, реже до 1 метра. Площадь могильника 120 x 170 м, насчитано нами 49 могил, из них 5 объектов условно... В этот же день вернулись обратно в Черемуховую падь.

17 августа. (СВВ). Черемуховая падь. С утра стал просматривать и расшифровывать свои путевые записи за 14–16 августа. Пока Прокопий ездил в Кяхту, до 3 часов мы с Виктором занялись обработкой материалов 2-го раскопа в Ярцах. После возвращения Прокопия Максим и Виктор показывали нам, что они сделали за время нашего отсутствия. Работа продолжалась на могилах № 40 и 50...

18 августа. (СВВ). Сфотографировали обе могилы и детали их. Затем решили сузить контрольную бровку и приступили к вычерчиванию стратиграфии северной стороны бровки и сверять её с южной стороной бровки.

24–28 августа. (КПБ). Разрез ямы проследили почти до двух метров глубины. Зачерчивали Володя с Виктором. Получилась сложная картина заполнения ямы после грабительского вторжения... Сняв, наконец, бровку, приступили к выборке дальнейшего заполнения ямы и исследованию ее содержимого. На глубине 290 см появились контуры сруба. Внутри сруба дощатый гроб. Вне сруба по бокам несколько каменных плит – остатки каменной обкладки сруба...

27–28-го шли дожди. Володя и Виктор занимались камеральной обработкой находок. 29-го меня отвлекли почвоведы, нашедшие месяца два с половиной тому назад в пади Суджи захоронение ребенка в горшке. А теперь долго искали точное место на-

ходки, чтобы мне показать. 30-го я увез Володю в Улан-Удэ и оттуда в Усть-Баргузин, откуда на пароходе он должен отправиться на западный берег Байкала. Но так как пароход надо было ждать два дня, то мы поехали вверх по Баргузинской долине в с. Уро, где работала в то время Е.А. Хамзина. Оттуда вернулись в Усть-Баргузин к пароходу, на котором и уехал Володя.

Вот таков эпизод или страничка из научной биографии моего друга. Уехал продолжать еще несколько лет исследования на тему «Археология озера Байкал», которую он представил в кандидатской диссертации и защитил её в 1970 г. в Новосибирске (рук. А.П. Окладников). А в тот памятный 1964 год он только набирал разгон по исследованию этой темы, но по своей натуре человека разносторонних, какого-то всеядного свойства интересов в полную силу, выражаясь фигурально, по полной про-

грамме включился со мной в процедуру изучения хуннских памятников, щедро распорядившись временем и своими силами на тот срок, который мы видим по дневнику. Как отмечалось, в моем изложении пропущены для экономии места большие куски, относящиеся к описаниям маршрутов передвижения по Бурятии и некоторые другие подробности. Зато выполненная им графика планов могильников Черемуховой пади и Эдую приведены в моих публикациях. Кстати, подобные проявления его склонности включаться в любые исследования, с кем бы ни работал, по отзывам монгольских коллег, Владимир Вячеславович проявлял и во время работы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. Но это уже другая тема.

Статья поступила 14.03.2016 г.

Библиографический список

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 219 с.

Коновалов П.Б., Свинин В.В., Хамзина Е.А., Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических исследованиях на Байкале в 1963–1964 гг. (Копия хранится в Институте общественных наук БФ СО АН СССР – ныне ИМБТ СО РАН).

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье оз. Байкал // Отчеты археологических экспедиций за 1963–65 годы (материалы к докладу на научной сессии Института археологии АН СССР. Иркутск, 1966. С. 50–70.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопросы истории Сибири. Ученые записки ВСОГО СССР. Вып. 4. Ч.1. Иркутск, 1971. С. 61–77.

Свинин В.В. Энеолитические памятники на Шаманском мысу (Южный Байкал) // Вопросы истории Сибири. Ученые записки ВСОГО СССР. Вып. 4. Ч.1. Иркутск, 1971а. С. 43–55.

Свинин В.В., Коновалов П.Б. Новые наскальные рисунки на горах Булук и Улан-Хада // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Ирк. кн. изд-во, 1958. С. 51–54.

References

Konovalev P.B. *Khunnu v Zabaikal'e*. [Hunns in Transbaikalia]. Ulan-Ude, 1976. 219 p.

Konovalev P.B., Svinin V.V., Khamzina E.A., Khlobystin L.P. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Baikale v 1963–1964 gg. (Kopiya khranitsya v Institute obshchestvennykh nauk BF SO AN SSSR – nyne IMBT SO RAN)*. [Report of the archaeological researches on Baikal Lake in 1963–1964 (Copy is kept in the Institute of Social Sciences BF AS USSR – now IMBT SD RAS)].

Svinin V.V. *Arkheologicheskie issledovaniya na severnom poberezh'e oz. Baikal. Otchet arkheologicheskikh ekspeditsii za 1963–65 gody (materialy k dokladu na nauchnoi sessii Instituta arkheologii AN SSSR)*. [Archaeological researches on the Northern Coast of the Baikal Lake. Reports of the archaeological expeditions in 1963–65 (Materials to report at the scientific session of the Institute of Archaeology AS USSR)]. Irkutsk, 1966. Pp. 50–70.

Svinin V.V. *K itogam arkheologicheskikh issledovaniy na Baikale. Voprosy istorii Sibiri*.

Uchenye zapiski VSOGO SSSR. [Some results of the archaeological researches on Baikal Lake. Questions of history of the Siberia. Scientific notes of the ESDGS USSR]. Irkutsk, 1971. Ussue 4. Part 1. Pp. 61–77.

Svinin V.V. *Eneoliticheskie pamyatniki na Shamanskom mysu (Yuzhnyi Baikal)*. *Voprosy istorii Sibiri. Uchenye zapiski VSOGO SSSR*. [Eneolithic sites on the Shamansky Cape (Southern Baikal Lake). Questions of history

of the Siberia. Scientific notes of the ESDGS USSR]. Irkutsk, 1971a. Ussue 4. Part 1. Pp. 43–55.

Svinin V.V., Kononov P.B. *Novye naskal'nye risunki na gorakh Buluk i Ulan-Khada. Zapiski Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. [New rock arts on the mountains Buluk and Ulan-Khada. Notes of the Irkutsk Regional Historical Museum]. Irkutsk, Irk. kn. Publ, 1958. Pp. 51–54.

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия, г. Улан-Удэ, тел.: 8 9025 658013, e-mail: konpb@yandex.ru

Kononov Prokopii Batyurovich, Doctor of Historical Science, professor, leading scientific stuff, Institute of Mongology, Buddology and Tibetology SO RAN, Ulan-Ude, Russia, tel. 8 9025 658013, e-mail: konpb@yandex.ru